

Михаил КОЖАЕВ ВТОРОЙ

ПАРИЖ НАВСЕГДА

**Косогория
2023**

– Доброе утро, мой львёночек!

Мама хотела сделать сюрприз. Она приготовила глазунью с базиликом и беконом, а на десерт сходила в кондитерскую за эклерами с кремом из взбитых сливок. Поднос с завтраком и ароматным кофе она несла из кухни на балкон, но, проходя мимо кровати, заметила, что Лёва уже не спит. Точнее, делает вид, что спит, но на самом деле улыбается с закрытыми глазами, чтобы её напугать.

– Доброе утро, мамочка! – ответил он, ничуть не обидевшись, что мама обнаружила его хитрость. Она подошла к нему и поцеловала в щёчку. Он крепко обнял её и долго-долго не отпускал.

Через тюль светило жизнерадостное весеннее солнце, пахло свежей выпечкой, доносилось задорное жужжание скутеров и счастливое пение птиц. Поверх крыши соседнего здания виднелась верхушка Триумфальной арки.

– Ой, а сегодня у нас последний день? – Лёва вдруг стал темнее тучи.

– Милый мой, – поспешила успокоить его мама, – сегодня тебя ожидает сюрприз!

– Это хорошо – сюрприз, – от волнения он чуть не заплакал, – но сегодня-то точно наш последний день в Париже. Я же знаю: ночью в 3:30 у нас вылет в Москву. Значит, в час тридцать мы сдадим номер, сядем в автобус и поедem в аэропорт.

Мама взяла его руки в свои.

– Послушай, посмотри мне в глаза! Я обещаю, что тебя ждёт такой сюрприз, после которого мы останемся в Париже. Прошу тебя, поверь мне! Вот завтра какой день?

– Завтра – мой день рождения! – мальчик в предвосхищении улыбнулся, и в этот момент солнце выглянуло из-за быстро проплывшей по небу тучи. – Завтра мне будет четырнадцать!

– Ну вот, – улыбнулась в ответ и мама, – ты уже взрослый, должен понимать, где правда, где – ложь. Тогда послушай меня внимательно: я обещаю тебе, что твой день рожденья мы встретим здесь, в Париже! Ты мне веришь?

Лёва вытер предательскую слезинку и повеселел.

– Правда?

– Правда! – мама погладила его лицо горячей ладонью.

– Значит, мы останемся жить здесь?

Мама рассмеялась.

– Ну, я не стала бы заглядывать так далеко в будущее. Но для меня несомненно одно – что мы с тобой будем счастливы-пресчастливы. Как мама и сын.

– Ничего себе! Давно я не видел тебя такой воодушевлённой!

Мама даже застеснялась.

– Спасибо! Завтракать будем?

– Конечно!

Она вытащила из-за угла кровати инвалидное кресло и помогла Лёве пересест в него. Мальчик закрутил колёса и поехал в туалет. А мама взяла оставленный на столике поднос и понесла его на балкон.

– Помощь нужна? – крикнула она оттуда.

– Нет, мам, спасибо!

Она накрыла салфеткой сахарницей, чтобы их не разметал ветер.

– Тогда я жду тебя на нашей веранде!

– Хорошо!

Через десять минут Лёва заехал на балкон и придвинул коляску к столу. Мама разлила по бокалам апельсиновый сок. Приятно пахло сдобной выпечкой. Ослабевший к этому времени года мистраль обдувал террасу, дразня скатерть из плотной ткани, которая не хотела замечать ухаживаний ветра.

– Бон апети, мон брав льон!

– Бон апети, ма бэль мамо!

В первый же день в Париже они узнали у гида несколько фраз по-французски и с тех пор традиционно желали друг другу приятного аппетита: «мой бравый лев» и «моя любимая мамочка».

– Честно говоря, – призналась мама, прожевав кусочек бекона, – у меня для тебя целых два сюрприза!

– Два-а!? – удивился Лёва. – И какие?

– Лёв, ну ты же взрослый мальчик, должен понимать, что сюрприз должен до конца оставаться втайне. Иначе какой это сюрприз, правда?

– Правда... – согласился он и начал размазывать вилкой хлеб по желтку. Завтрак был очень вкусным, и мысли Лёвы вновь развеялись и приняли позитивный лад. Он даже обратил внимание, как у дамы на бульваре ветер приподнял юбку.

– Лёва! – мама даже покраснела от смущения. А он только улыбался и продолжал провожать взглядом женщину на улице.

– А мы зайдём на ту улицу, где мы видели мима? – перейдя к десерту, поинтересовался он.

– Гм. Давай зайдём. А почему ты спрашиваешь?

– Может быть, я тоже хочу сделать тебе сюрприз!

– Правда? Это очень приятно! И что же там такого интересного?

Лёва лукаво покосился на маму.

– Это секрет! Сама же говорила: нельзя рассказывать!

– Хорошо-хорошо! – поторопилась оправдаться она. – Бон апети!

Они чокнулись соком и сделали по глоточку.

– Мам, – спустя некоторое время спросил застенчиво Лёва, – как ты думаешь, у меня будет когда-нибудь девушка?

Он старался не поднимать на маму глаз, а жестом указал на инвалидное кресло. Как бы желая показать, почему у него возник такой вопрос.

– Эй, дорогой мой! – она положила свою руку на его и горячо сжала в знак поддержки. – То, что ты особенный, не делает тебя проигравшим! Ты замечательный и умный юноша! Рассудительный, целеустремлённый, талантливый! Девушки любят таких гораздо больше, чем пустых болванов, которые умеют ходить, но не умеют чувствовать, ухаживать, любить! У тебя обязательно всё получится! В жизни каждому уготована своя толика счастья – кому-то раньше, кому-то позже. Но каждый обязательно встретит свою вторую половинку!

Как ни отводил мальчик взгляд, но буквально оптически заметил, как сверкнули мамины глаза. Лёва аккуратно забрал сжатую руку и откусил половинку круассана, чтобы скрыть неудобство разговора. Но дожевав, спросил, по-прежнему глядя куда-то вниз:

– А как же ты?

– Я тоже буду счастлива, не сомневайся! Трудности возникают для того, чтобы слаще был приз!

Лёва допил апельсиновый сок и предложил собираться на прогулку.

Через десять минут они вышли в коридор. Лёва вдруг быстро покатил в кресле к лифту, и маме пришлось быстро запира́ть замок на ключ и бежать за сыном вдогонку. Внизу женщина отдала ключ на ресепшене, и они отправились гулять и веселиться под щекотливыми лучами весеннего солнца.

– Жалко, что солнце – среднего рода, – заявил вдруг парень.

– Почему же?

– Если бы оно было женского рода – я бы сказал, что звезда в душе парижанка!

Лёва перевёл сощуренный взгляд игривых глаз на маму, и та расплылась в улыбке, что означало похвалу за поэтичность вирша.

Они прогулялись по кварталу, полакомились мороженым и покормили уточек на набережной. Но когда они оказались на той улице, где мим показывал представление, Лёва вдруг спросил:

– Мамочка, а можно я один здесь покатаюсь?

– Один?

– Да, недолго! Ты можешь сесть, например, вон на той скамейке, и я к тебе подъеду. Только не спрашивай ни о чём, ладно?

– Л-ладно, – нехотя согласилась мама. Она собиралась было отправиться к указанной скамейке, но сын вновь её удивил:

– А можешь ещё дать двести евро?

– Сколько? Зачем тебе так много? Ах да: ни о чём не спрашивать... Ну ладно, я дам тебе деньги, потому что уверена, что ты потратишь их на благое дело!

– Так и есть! – торопливо закивал Лёва.

– Хорошо, – еле заметно вздохнула мама и потянулась за кошельком в сумочку.

– Спаси-и-ибо! – чуть не запел Лёва и приподнялся, насколько мог в коляске, чтобы обнять её. – Я так тебя люблю, мамочка!

Несколько секунд они прижимались друг к другу, пока Лёва сам не отстранил маму от себя и начал толкать в сторону ожидающей лавочки. Женщина покорно отправилась ждать.

Оглядываясь, мальчик покатил вдоль бутиков и магазинчиков, мимо прогуливающих парижан, от которых приятно пахло духами и удавшейся жизнью. Лёва гордо подъехал к ювелирному салону и, как нувориш, закатил коляску внутрь между услужливо отодвинувшихся автоматических дверей.

Сердце его бешено билось, ведь он впервые оказался в столь дорогом заведении. А главное – ему предстояло сделать покупку, самому, в центре Европы, хотя у себя на родине он даже не осмеливался купить мороженое в парке: за него это всегда делала мама.

– Бонжур, месье! – поприветствовала его элегантная девушка за хрустальной витриной. И дальше залепетала на совсем птичьем языке, из которого он не понял ни слова: в школе учили английский и немного немецкий. Лёва по-английски объяснил, что ищет кольцо для мамы.

Выбор оказался весьма невелик, к удивлению Лёвы, но он выбрал утончённое кольцо с россыпью фианитов, которое обязательно должно понравиться маме. С провинциальной гордостью он достал наличку и расплатился за украшение и футляр к нему. Сложил всё во внутренний карман рубашки, кротко поблагодарил всех работниц по-французски («гран мерси» ведь все знают) и гордо выехал в своей коляске на улицу.

Здесь он с энтузиазмом покатил к маме, стараясь ничем не выдать героического ощущения торжественности происходящего и восторга предстоящего момента, когда он подарит кольцо своей самой любимой женщине на свете!

Лёва сделал вид, что ничего не произошло. Что вовсе не нужно ни о чём спрашивать, а надо нагуляться как можно больше, чтобы к вечеру валиться с рук от усталости. Ведь сегодня их последний день в Париже. По крайней мере, так он думал ещё утром. Но что за сюрприз приготовила мама?

– «Неужели я действительно встречу день рождения в Париже? – вопрошал про себя мальчик. – И как это возможно? Разве что мама перенесла дату вылета? Но вроде бы по воскресеньям нет рейсов. А может быть, она нашла здесь работу и мы останемся тут на всю жизнь?».

От таких идей у Лёвы начинала кружиться голова, и он боялся потерять от счастья сознание прямо на мостовой.

Шальные мысли нет-нет – да и посещали Лёвину голову. Если бы он был львом – прохожие наверняка шарахались бы по сторонам от его огромной наэлектризованной гривы. Впрочем, возможно, флюиды каким-то образом всё же действовали на встречаемых, потому что они как-то странно смотрели на него и в священном трепете быстро отводили взгляд от его гипнотизирующих глаз.

Весь день они с мамой гуляли по бульварам и мостовым, под каштанами и галереями торговых центров, под бездонным синим небом и старинными росписями ароматных кофеен. День постепенно клонился вечеру, и Лёва всё чаще задавался вопросом: как же они так останутся в Париже навсегда?

В шесть часов мама загадочно поведала Лёве:

– Слушай, мне нужно будет отлучиться на часик. – И в ответ на недоумение сына пояснила: – У меня тоже могут быть секреты! Ты подождёшь меня в номере?

– Нет, только не в отеле! Я не хочу сидеть там один взаперти! Можно я посижу у фонтана?

На площади недалеко от гостиницы бил фонтан. Рядом играли уличные музыканты, иногда целые оркестры: гитары, аккордеоны, трубы. И мама боялась, что в толчее прохожих мальчика могут задеть или обидеть. Но теперь у неё не оставалось выбора, и она разрешила подождать её там. Договорились встретиться здесь же и отправиться на праздничный ужин. Почему праздничный? А какой же он ещё может быть в Париже!

В таком роскошном ресторане, как «Ромен Гари», Лёва был впервые. Он в приличном европейском кафе побывал здесь же неделю назад, когда они с мамой в

первый день вышли на прогулку по Парижу. Но теперь золотой блеск канделябров и серебряный частокол столовых приборов буквально ослепили его.

Обходительные и изящно одетые официанты очаровали, в свою очередь, маму. По крайней мере, мальчику так показалось. Как ещё объяснить, что она согласилась на устриц? Обычно она отказывалась даже от дополнительного сыра в пицце, в те нечастые дни, когда они выбирались в кафе в родном городе. А тут – устрицы!

Лёва помнил, что ими потчевался Каренин в романе Толстого, и за каждую штуку отдавал примерно стоимость крепостного. Если судить в этих категориях, то мама заложила несколько дворов за этот пункт в меню:

– Гуляем! – весело объяснила она. Даже с ноткой сумасшедшинки, как показалось Лёве.

Деликатес был ему неведомым. Мальчик никогда не пробовал устриц и не имел ни малейшего представления, каковы они на вкус. Лёва предполагал, что они причудливым образом должны сочетать вкус тонко нарезанной говядины, сырного соуса и шоколадно-бананового мороженого. Но как это всё соединится на языке – было совершенно непонятно.

Пока он витал в облаках в представлениях о вкусе устриц, их принесли. Дегустаторы стали завязывать салфетки на шее и примериваться к приборам, лимону и соусу, чтобы правильно насладиться моллюсками на виду у надменных парижан. Впрочем, так им только казалось: никто ни за кем не подсматривал и не думал посмеяться, если проба морских даров пройдёт как-то не так.

Лёва чётко следовал маминым инструкциям, которая сама впервые пробовала устриц. С небольшими затруднениями им удалось вскрыть раковины. Мама отправила странного вида мясо в рот и после небольшой паузы с удовольствием зажевала желваками. Вслед за ней и мальчик попробовал устрицу. Правда, почти тут же он выплюнул её на салфетку и стал заедать хлебом, сыром и соусом – всем подряд, лишь бы скрыть этот ужасный вкус.

– Фуу! – довольно громко сказал он. – Что это за гадость!

Многие вокруг заулыбались, и даже мама расплылась в хитринке:

– Значит, мне больше достанется! – она решительно забрала его порцию. – Не знаю, мне – ну прям о-очень понравилось!

В конце ужина, доедая мороженое, Лёва спросил:

– Мам, а что за сюрприз ты мне приготовила?

– А вот к нему навстречу мы сейчас и отправимся! Ты готов?

– К чему?

Мама отрицательно качала головой:

– Неправильно! Запомни, сын, на этот вопрос нужно отвечать: всегда готов! Так в своё время пионеры отвечали. И вот так руку делали.

Она продемонстрировала их фирменный жест.

– Половина пионеров уже в гробиках лежат, а дело их живёт!

И рассмеялась каким-то демоническим смехом, свободным от условностей и норм морали, так что Лёве стало не по себе. Впрочем, грозовая искра прожужжала и растворилась в воздухе, и обычная – скромная и сдержанная мама сама удивилась:

– Извини, что это на меня нашло? Конечно, так плохо говорить, и не обращай внимания! Это что-то в преддверии твоего дня рождения бесинка в рот залетела. Всё, каюсь!

Она очистила пальцами губы, как если бы салфеткой вытирала их от кофейной пенки. С аристократической гордостью позвала официанта, чтобы он их рассчитал. Поблагодарила за устриц. Оставила чаевые и, софитами озарена, встала и элегантно покатила Лёву мимо столиков.

– На променад! Сегодня мы с тобой, сладкий мой, гуляем!

Швейцар распахнул перед ними двери, и мама чуть не бегом выкатила сына и покатила по брусчатке, так что он едва не опрокинулся на повороте. Но водительница только хихикнула и прибавила ходу, будто они гонялись наперегонки с десятками других, только невидимых колясочников.

На ресепшене в отеле они встретились с молодой парой, которая бронировала номер. Стройная девушка в обтягивающем голубом платье как-то странно взглянула на Лёву, задержавшись на его лице на секунду дольше того, как обычно смотрят прохожие. Кроме того, она вообще не обратила внимания на коляску, хотя обычно именно её и сверлят глазами незнакомцы и незнакомицы.

Молодой человек тоже, казалось, не посмотрел на инвалидное кресло. Он и на самом Лёве взглядом задержался недолго, а весь его интерес сосредоточился на маме. Лёве это не понравилось, но они быстро проехали мимо, к лифту. Правда, ему на миг показалось, что и мама необычно долго смотрела на мужчину. Странно всё это.

Когда они поднялись на нужный этаж, мама как будто специально задержалась в коридоре, показав ладонью, какие красивые воздушные шары плывут по небу за окном. Лифт успел уехать вниз и вернуться обратно, и из дверей вышла та самая парочка. С сумочками, какие они обычно берут в спортзал или сауну. Мужчина обратился к маме по-французски, сверяясь с чем-то в телефоне и уточняя номер комнаты. К удивлению Лёвы, мама не отмахнулась от незнакомцев, а попросила минутку.

– Лёвушка! – она развернула его коляску к себе и присела на корточки. – В жизни каждой матери наступает такой момент, когда она должна отпустить сына. Чтобы он начал жить своей жизнью, понимаешь?

Она как-то замялась, но продолжила:

– Я сегодня весь день пыталась подобрать слова, но, похоже, у меня этого так и не получилось. Одним словом... Лёв, у тебя совсем скоро день рождения. Я хотела сделать тебе особенный подарок, понимаешь? Чтобы, так сказать, вручить его именно в Париже. Хотя «вручить» не совсем подходящее слово. Короче, Лёв! – она, наконец, решилась. – Я заказала тебе в подарок массаж. Особый. Не обижайся, что я не умею предупреждать и делать сюрпризы. До встречи через час! Люблю тебя!

В конце этой комканой речи она отрывисто поцеловала сына в щёку и стремительно поднялась.

– Стефания, это – Лев! Лев, это – Стефания! – она замахала руками, как лезвия в электрической бритве, представляя их друг другу. – Стефания родом из Сербии, и она немного говорит по-русски. Ну всё, пока!

И мама решительно зашагала в сторону соседнего номера. Мужчина, пришедший вместе со Стефанией, отделился от спутницы и направился к маме. Он демонстративно достал из своей сумки полотенце и отчётливо произнёс: «Массаж!». Это было сказано как будто для кого-то другого, чтобы от чего-то отвлечь. И в другой ситуации Лёва бы обязательно догадался, в чём дело. Впрочем, он, может быть, и догадался, но мысль не успела пересечь границу подсознания, поскольку всё внимание молодого человека оказалось направлено на новую знакомую.

– Привет! – начала она, не зная, чего ждать дальше, но помахав на всякий случай рукой, как будто быстро-быстро протирала невидимое стекло между ними.

– Привет! – робко ответил Лёва. Он, конечно, обо всём сразу догадался, но тут же переуверил себя, потому что: ну не возможно такое! такого просто не бывает и не может быть!

– И как ты в этом передвигаешься? – нарушила его сомнения девушка. – Выглядит всё это довольно сложно для передвижения. Всякие там бордюры и всё такое.

– Да я привык! – как ни было страшно Лёве заговорить с красоткой (а она была, несомненно и безусловно, красотка), но он пересилил себя и постарался придать тон беззаботности. – Не первый год приходится так колесить!

Безотчётно для самих себя они оба двинулись в сторону номера: Лёва плавно прокатил колёса вперёд, его спутница медленно пошла рядом.

– А это у тебя с рождения?

Лёве понравилось, что её интерес был неподдельный, не такой, как у большинства кислотицких, которые только делают вид, что сочувствуют ему, а на самом деле им всё равно. Сейчас же по всему было видно, что девушка действительно сопереживает, а не играет.

– Нет, несчастный случай. Перелом позвоночника. Родители отправили меня в летний лагерь во втором классе. А я там упал с каната, неудачно, вот результат.

Он приложил электронную карту к магниту, и дверь номера отворилась. Как будто движимые невидимой, но неотвратимой силой, они зашли внутрь. Лёва собрался с духом и объявил:

– Я не уверен, что готов к... массажу!

– Ну хочешь – посмотрим телевизор или поиграем во что-нибудь на телефоне! – в голосе Стефании прозвенел сарказм, и она сама это заметила. – Извини! У тебя никого ещё не было?

– Нет, – потупил взгляд Лёва.

Девушка прошла по комнате, скинула меховую безрукавку и повернулась к парню:

– Слушай, я понимаю твоё состояние и не стану тебя принуждать. Но поверь: большинство твоих ровесников просто мечтают о таком теле! – она указала ладонями на свои бёдра. – Тем более у тебя идеальная ситуация. Я уже здесь, мне не надо покупать коктейли, говорить, какая я красивая и тому подобное. И уж совершенно точно – у тебя будет самый классный первый раз среди всех парней в твоём городе!

Лёва удерживался как мог, но всё же сглотнул слюну. Стефания подошла к Лёве и присела на одно колено, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

– Давай поступим так, – медовым шёпотом предложила она. – Я забегу в душ, а ты пока разденешься и ляжешь под одеяло.

Лёвино сердце забилося ещё вдвое быстрее.

– Да не бойся, – улыбнулась девушка, – больно не будет. Будет сладко! Договорились?

Она коснулась подушечкой указательного пальчика его носа, встала и скрылась в ванной.

В это время в соседней комнате происходило нечто странное. Мама Лёвы указала своему бравому гостю на кровать – чтобы он взял её за один край, а сама – взялась за другой и придвинула к внутренней двери. Такие сквозные проходы раньше делали во всех старинных гостиницах, как и в этой. Сейчас, конечно, двери выполняли чисто декоративную функцию. Но женщина заранее – когда ещё осматривала номер с утра – распечатала сургуч, залитый в замок, и проверила, чтобы их с Лёвой номер просматривался максимально хорошо.

Её кавалер – атлетичный француз лет двадцати пяти – пытался объясняться по-английски, но Лёвина мама знала всего несколько фраз, и ни одна из них не могла ей пригодиться в текущей ситуации.

Она прильнула к замочной скважине, чтобы удостовериться, что у Лёвы с его подружкой всё под контролем. А настырный француз всё лез со своими объятиями и норовил что-то расстегнуть или снять. Женщина отбивалась как могла, а ухажёр предпринимал всё новые попытки штурма. Наконец, мама так сильно ударила его по запястью, что тот вдруг остановился – видимо, посчитав, что делает что-то не так. Факт подглядывания, казалось, не вызывал у него никаких вопросов.

– Массаж? – с недоумением и таким игривым французским акцентом спросил он.

– Массаж-массаж! – бросила женщина, чтобы хоть на минуту освободиться от его приставаний.

– О, уи! – по-своему понял это ухажёр и, действительно, начал плавно водить своей клиентке по спине, а затем стал нежно обнимать за талию и гладить живот.

В этот момент Стефания вышла из ванной и грациозно проскользнула к постели. Она скинула полотенце и прыгнула под одеяло так быстро, что не дала времени разглядеть её голый. Разочарование сменилось восторгом, когда девушка села на мальчика сверху. Вьющиеся пряди спадали на упругую юную грудь девушки. Бесстыдной и невинной одновременно. Желавшей одаривать ласками и получить сама удовольствие от акта любви.

Нежно-розовая кожа красавицы дышала юностью и восторгом, какой некогда был и у мамы Льва – примерно в то время, когда они с его отцом зачинали наследника. Теперь же Лёва сам был в считанных мгновениях, чтобы стать мужчиной.

Мама жадно наблюдала в замочную скважину за происходившим в соседнем номере. К её удовольствию Стефания всё правильно поняла относительно того, как себя вести с парнем, у которого парализованы ноги. После небольшой прелюдии она чуть наклонилась вперёд, привстала на коленях и – странно: мама будто сама почувствовала, что произошло дальше.

Через полсекунды она поняла: назойливый француз, о котором она как-то забыла в своей безотчётной материнской слезке, всё-таки добился своего.

– Ноу! Ноу! – протестовала мама и пыталась руками отбиться от ухажёра.

– Уи! Уи! – его горячие руки крепко схватили её за талию, на которой, к удивлению жертвы, не оказалось ни юбки, ни белья.

Вдруг она почувствовала приятный жар внизу живота и вспомнила, что это такое – быть любимой, быть в объятиях мужчины. Но как там Лёва? В тех условиях, в которых она оказалась, подсматривать было решительно невозможно: замочная скважина то поднималась, то опускалась, а один раз женщина даже ударилась о неё лбом.

«Ладно! – решила она. – Сначала закончим одно дело, а затем посмотрим за другим!».

То ли у неё давно не было мужчины, то ли француз оказался мастером своего дела, но она как-то вся потерялась в ощущениях. Заблудилась в эмоциях. Растворилась в удовольствиях – ярких, как салют, и сладких, как шампанское. Она даже назвала своего любовника «плотник» – в том смысле, что он прекрасен в плотских утехах.

В конце концов они просто рухнули на кровать, испещрённую измятыми подушками, десять раз перевёрнутым и завёрнутым одеялом на задранной простыне любовного боя. Француз, в лучших традициях настоящего кавалера, не заснул и не отвернулся – он продолжал поглаживать свою клиентку и, тяжело дыша, тараторил непонятную, но такую приятную женскому уху белиберду.

Он что-то говорил и шептал, восклицал и озвучивал мысли вслух, мечтательно что-то предлагал и, не получив ответа, философски рассуждал и жестикулировал руками. Его довольная клиентка настолько расслабилась, что даже забыла о своём сыне. Он напомнил о себе сам. Точнее, сначала напомнила его подруга, а затем, под маршеобразный стук кровати, и он сам – мама даже покраснела!

Конечно, она уже прильнула к замочной скважине. И обнаружила там такой же беспорядок, как и у себя в номере. Объекты наблюдения лежали обнявшись. Лёва тяжело дышал, как если бы поднялся на коляске по крутому склону. Стефания блаженно улыбалась, положив тонкую ладонь ему на грудь. Поначалу они просто обнимались. Но спустя пару минут, поняла мама, её герой повторит полученный опыт, а она сможет-таки увидеть это своими глазами!

У её французского оказалось другое мнение на этот счёт. И в конце счастливая женщина поняла, откуда появилось высказывание: история повторяется дважды. Она бы так и лежала, вся, в хорошем смысле, уничтоженная, растёртая в порошок эмоций, но её гость вдруг засобирался. Он привстал на локте, что-то залопотал на своём картаво-совратительном наречии и приложил указательный палец к запястью левой руки.

«Время», – с грустью поняла женщина. И пусть она была осчастливлена и одарена, пусть она получила больше любви, чем за всю свою предыдущую жизнь, – она бы многое отдала, чтобы продлить это мгновение хотя бы минут на десять. Но увы.

Мужчина по-армейски быстро оделся, но прежде чем уйти, повёл себя как настоящий рыцарь. Перед их ложем он встал на одно колено, поцеловал ей ручку и вдохновенно прошептал что-то на своём птичьем парижском языке.

– И ты тоже ничего! – ответила женщина. – Ну, спасибо! Ступай!

И она отмахнулась от него, как графиня из древнего французского рода, движением, которым смахивают пыль с платья.

Рыцарь поклонился и вышел. Через минуту стало слышно, как открылась и закрылась дверь соседнего номера, после чего зацокали молоточки каблучков по коридору. Мама поняла, что пора возвращаться.

Она неторопливо оделась, заправила небрежно кровать и покинула комнату. Заперла входную дверь на ключ и сделала три тихих шага к своей резиденции. Тихонько постучала и после разрешения войти застенчиво проникла внутрь.

Лёва по-прежнему лежал в кровати, накрытый одеялом по самый подбородок, и отвлечённо смотрел куда-то по направлению между мамой и балконом. Так, чтобы она видела, что он её видит, но так, чтобы их взгляды не пересеклись. Но она больше не собиралась потуплять взор и замалчивать то, что лежит на сердце. Женщина легла на одеяло рядом с сыном и поцеловала его в румяную от смущения щеку.

– Поздравляю тебя! Теперь ты уже не Львёночек – теперь ты уже Лев!

Мальчик совсем стусевался и натянул одеяло на лицо, полностью спрятавшись от признания случившегося.

Мама не стала вырывать его из кокона смущения. Напротив, она поднялась с кровати и отправилась на балкон, где счастливо потянулась на цыпочках, вытянув ручки в стороны.

– Поверь мне, Лёва! Есть вещи, которым надо радоваться, как первому подснежнику! В жизни надо быть открытым самой жизни! Нужно говорить честно, как оно есть! Пусть нам обоим сейчас неудобно – и мне, может быть, даже больше, чем тебе, – но это жизнь! И ты поймёшь настоящую ценность такой открытости для диалога, когда станешь взрослым!

На этих словах мама как-то осеклась. Но быстро взяла себя в руки и добавила:

– Точнее, ты уже стал взрослым!

Она выждала паузу. Улитка пошевелилась, но так и не вылезла из своего одеяльного домика. Тогда мама начала вытягивать её руками:

– А это значит, что у нас есть отличный повод отметить это! Как ты относишься к французскому шампанскому? Я вот настоящее, сделанное во Франции, ни разу не пробовала. А на твоём месте я бы сразу налила бокал игристого!

Из-под одеяла показалось Лёвино лицо.

– А что, можно?

– Сынок! – поучительно ответила мама. – Сегодня нам можно всё!

И она отправилась к маленькому холодильнику в дальнем конце комнаты, за небольшой ширмой.

Но пока Лёва одевался, – мама тщательно убедилась, что он её не видит, – то достала из кармана пластмассовую баночку для лекарств и в каждый бокал насыпала добрую дюжину таблеток. Затем предупредила, чтобы сын не пугался, откупорила с громким хлопком бутылку шампанского и наполнила бокалы. Тщательно перемешала их содержимое и убедилась, что всё до конца растворилось. И только затем вернула улыбку на своё лицо и вышла обратно.

– Лёва, давай выпьем за нас! – она протянула ему бокал с шипучим напитком. – Вот ты переживаешь, что завтра нам улетать. А ты не переживай! Это прозвучит банально, но живи каждый день, как будто он последний!

Она легонько прикоснулась своим бокалом его – раздался очень громкий, хрустальный, но очень приятный звук. Мальчик сделал маленький глоток, чтобы познакомиться со вкусом шампанского. По его лицу было видно, что это что-то новенькое – даже более неожиданное, чем устрицы. «Что ж, вот такой гурманский день у него сегодня получается», – подумала мама, а сама жестом показала сыну, чтобы он выпил ещё. Лёва пригубил ещё два глоточка.

– Понимаешь, в этом главная проблема нашей жизни – мы боимся сделать что-то не то! Думаем, что это будет ошибка, что мы поступим неправильно, что так не принято! Вот я, – она ткнула себя пальцем в грудь. – Я столько лет кормила саму себя обещаниями: вот, закончу институт, тогда и слетаю в Париж! Вот – устроюсь на престижную работу, тогда и полечу! Вот – дослужусь до главы отдела, тогда и куплю тур! А на деле что вышло? Сначала тянула ляжку, чтобы комнату снять. Потом денег по родственникам искали, чтобы свадьбу сыграть. Затем сидели на пособие, когда твой папа ушёл, когда ты позвоночник сломал.

– Ну мам! – пытался протестовать Лёва.

– Ну что – «мам»? Сколько лет мы умалчивали об этом? заменяли настоящие слова теми, которые не так режут слух? Лёва, надо уметь говорить всё как есть! Если он ушёл – значит, он ушёл! А не отправился зарабатывать нам на жизнь или строить карьеру, чтобы когда-нибудь к нам вернуться. Честные слова ещё никогда не шли во вред. Конечно, они больно колют. Но это как врач, который обманывает пациента словами надежды – вместо того, чтобы лечить его! Ты пей! Вкусно?

– Вкусно! – кивнул Лёва. – И что-то мне уже весело! Хи-хи!

– Так и должно быть, сынок! Жизнь дана нам, чтобы прожить её со вкусом! Вкусно, радостно, великолепно! Так, чтобы о нас писали вечерние газеты!

Мама повела рукой, как цыганка в задорном танце. Встала и начала декламировать, как поэтесса стихи. Или как пророк – волю Божию:

– Живи с радостью, несмотря ни на что! И на спуске, – она изобразила превратности судьбы волнообразным жестом, – и на подъёме.

Трудно? – радуйся трудностям, потому что они закаляют тебя.

Долгое дело? – радуйся, потому что велика будет награда за него.

Пытаются вытереть о тебя ноги? – радуйся: значит, ты чистый, раз тебя хотят очернить.

И хорошо в жизни – тоже радуйся!

Влюбился? – радуйся, потому что это лучшее чувство в мире.

Выиграл миллион в лотерею? – радуйся, потому что можешь порадовать близких тем, чего они не могли раньше себе позволить.

Кирпич упал в метре от тебя на тротуаре? – радуйся, потому что тротуару всё равно, а ты в плюсе.

Последний день в Париже? – радуйся, потому что миллиарды людей мечтают здесь побывать, но никогда здесь не будут.

В конце мама перешла уже в состояние аффекта актрисы на сцене. Впрочем, скорее, это был действительно глас пророчицы, взывающей к человечеству. Но Лёве стало не по себе. Некоторое время он молчал, осмысливая сказанное, а затем спросил:

– Ты же говорила, что сегодня – не последний наш день в Париже...

Мальчик вертел пальцами бокал, глядя, казалось, куда-то вглубь шампанского.

– О, нет! – мама подскочила к нему и с жаром сжала запястье. – Сынок, Лёва! Я обещала тебе – и я сдержу своё слово! Мы останемся в Париже навсегда!

– Навсегда? – удивился мальчик. – Разве такое возможно?

– Возможно всё, если в это верить! Действительно верить, по-настоящему, сильно-сильно!

Она начала горячо целовать Лёвину руку, затем щёки и шею. А затем подняла бокал и показала, чтобы он пригубил ещё шампанского. Лёва выпил, сначала чуть-чуть, а потом почти до конца.

– Мам, что-то меня в сон клонит, – признался он.

– Ложись, отдохни! – с готовностью откликнулась мама. – Ни о чём не думай! Просто доверься мне: всё будет так, как я сказала!

Мальчику показалась, что из уголка глазика у мамы скатилась предательская слезинка. Но он не придавал этому значения, поскольку действительно погружался в сон. Мама помогла ему улечься и поцеловала в лоб. Так страстно, как будто с чем-то прощалась. Наверное, с прошлой жизнью в их маленьком городке, подумал Лёва и закрыл глаза.

Женщина полежала рядом с сыном ещё несколько минут и действительно всхлипнула, будто прощаясь с прошлой жизнью, но отдавая за это что-то тоже важное взамен. Затем она встала и подошла к комоду. Достала из верхнего ящика сигаретку, аккуратно скрученную для неё её недавним любовником, и вышла с ней на балкон.

Чиркнул маленький барабан зажигалки, и она затянулась горьким дымом, который вместо серости будней обещал радугу красок, эмоций и мыслей. Женщина сделала ещё и ещё одну затяжку, но ничего не происходило. Она потушила сигаретку и отправилась в туалет, чтобы пописать и затем лечь рядом с сыном.

В совмещённом санузле она подняла подол платья и сняла трусики, удобно устроившись на тёплом унитазе. Как вдруг заметила, что вместо ручки душа на кране водружён самый настоящий имперский скипетр. Точь-в-точь как в иллюстрированной энциклопедии русских монархов от вещего Олега до Николая II. Такая книга стояла у них за стеклом, лицом ко всем входящим в школьную библиотеку.

Она потянулась к скипетру, сняла его с крана, и из него вдруг посыпались игральные карты с образами русских царей. Вот валет бубен – Александр I с двумя пистолетами – проскользнул перед её лицом и упал в дырку в туалете. Вот дама червы – Екатерина II в горностаевом шарфе – отправилась следом. Король крести – Всеволод Большое Гнездо с рифлёным бердышом – провалился вниз. Пиковый туз – Николай II с дыркой во лбу и удавкой на шее – лихо просвистел прочь.

Дальше вся красно-чёрная колода от тузов до валетов дружной ватагой устремилась в считанное мгновение в туалетную дырку, оставляя в глазах бедняжки всполохи молний и сверки фейерверков. В самом конце туда же отправилась упаковка карточной колоды,

из которой тщетно пытался выпрыгнуть удивлённый президент, явно не желавший разделять судьбы предыдущих монарших особ.

В этот момент женщину осенило: чтобы сохранить историю России, ей во что бы то ни стало нельзя спустить все карты в канализацию. Но на этой мысли она неожиданно для самой себя начала писать. Сработали автоматические датчики умного туалета – и все русские цари более чем тысячелетней истории бурлящим потоком отправились напрямиком в очистные сооружения под Парижем.

Ужаснувшись сделанному, женщина поскорее хотела встать и позвать на помощь, чтобы кто-нибудь остановил слив воды. Но вместо этого она ощутила чудовищную слабость, ноги отказали её воле и беспомощно поскользнулись. Мама подалась всем тонким телом вперёд и с грохотом рухнула вперёд, звонко приложившись головой о ледниково-белый кафель парижской гостиницы. В этот момент свет, который никогда не гаснет, погас навсегда.

Теперь, когда вы прочитали эту печальную новеллу, хочу рассказать вам её предысторию, чтобы вы осознали, что не всё так однозначно, как может показаться. И что всё в этой истории может оказаться как со знаком «плюс», так и со знаком «минус».

Для начала позвольте посвятить вас в контекст «Парижа навсегда». Задумка рассказа возникла не на пустом месте и не просто так. В 2021 году я активно работал над вторым томом романа «В кожаевском мире цыган». Внутри него мой лирической герой, тоже писатель, предлагает лирической героине, моей будущей супруге, прочесть несколько моих набросков. Она их читает перед сном и каждый раз прерывает чтение формулой: «Не пиши больше ни строчки, слышишь?». Так случается и в этот раз, только внутри действия тот набросок называется «Дарья и Лев».

По сюжету романа, Катя – лирическая героиня «Кожаевского мира цыган», по совместительству моя любимая жена – решает прочесть один из моих набросков. Не буду сейчас приводить его полностью, поскольку он сознательно составлен как хлороформ перед сном, но суть того повествования такова:

Женщина двадцати девяти лет приходит в банк, чтобы получить кредит – якобы на ремонт квартиры. Действие разворачивается в маленьком городке, так что клерк сразу понимает, что объявленного заработка у неё нет и в помине, поэтому предлагает сделать вид, что ничего не было, и просто уйти. Женщина объясняет в подробностях, в какой сложной они ситуации с сыном инвалидом, и умоляет просто оформить заявку – ну вдруг? а вся вина за заявленные данные всё равно будет лежать на ней!

Ответ клерка повисает в воздухе, потому что Катя – героиня романа – засыпает от чушной истории и как раз в этот момент и просит, чтобы я не писал больше ни строчки: «Такая ерунда – даже засыпать противно».

Разумеется, в «Кожаевском мире цыган» эта линия больше не всплывает (значит, не так уж она и плоха). Зато – становится почвой для самостоятельного рассказа. Если в романическом «превью» его заглавие обозначено как «Дарья и Лев», то в аутентичном варианте появляется и новое название – «Париж навсегда».

Идея продолжения, развития упомянутой вскользь идеи появилась 20 июля 2021 года. Причём наименование «Париж навсегда» было изначальным, в то время как «Дарья и Лев», чтобы спутать следы, появилось в «Кожаевском мире цыган».

История «Парижа...» была тривиальной: мама ребёнка-колясочника всё-таки получает кредит и улетает на неделю в столицу Франции. Здесь они развлекаются, ужинают в кафе, едят мороженое. А в последний день мама говорит, что они никогда не улетят обратно – что они останутся в Париже навсегда! Сын обнимает маму и признаётся: «Мамочка, я тебя очень-очень люблю!». А та предлагает выпить витамины, вместо которых оказывается лошадиная доза снотворного. И в таком контрапункте они ложатся спать в ночь перед вылетом домой.

Развёрнутое изложение этой истории вы только что прочли. И будничное ощущение мироздания должно подсказать нам: все умерли, больше ничего, темнота и тлен. Но я сознательно хотел сделать открытый финал: так, да не так. Даже несмотря на концовку – про погасший навсегда свет. В романе «Танатоходец» (2013) (см. <https://m-kozhaev.ru/tanatohodets/>) так заканчивается первая глава: «Свет, который никогда не гаснет,

тут же погас навсегда». Это чистой воды литературное пижонство, поскольку речь про свет, который *никогда не гаснет*.

Лично я могу «накидать» несколько типовых вариантов того, что было дальше – то есть после «Парижа навсегда».

Во-первых, все умерли, и всё. Печально, но вероятнее всего, так и было. Карамзинскую «Бедную Лизу» никто ведь ещё не отменял, не правда ли? Что ж, поплачем в подушку.

Во-вторых, Лёву во сне вырвало, и он выжил. Дальше его осмотрели французские врачи и нашли пережатый нерв, который вылечили с помощью операции и мальчик смог ходить. Как развивалась его судьба дальше – придумайте, как хотите!

В-третьих, никто не отменял того факта, что женщине просто не выдали кредит и она никуда не полетела на отдых со своим сыном.

Я думаю, накиданные «магистралы» сюжета дадут достаточную пищу для разработки «веера» пассионарности разнообразных линий. Со своей стороны ограничусь констатацией того факта, что появившаяся идея как проникла в моё сознание, не будучи до конца понятой, так и вышла после написания рассказа безо всякого отпечатка в моей ничего так и не понявшей душе.

Я писал «Париж навсегда» в приступах вдохновения и в будничной тоске. Небольшой по объёму текст растёкся на полтора года, в течение которых я несколько раз ставил конечную дату: дописать к Новому году-2022, доделать к своему дню рождения, добить наконец-таки к Новому году-2023, точно дописать финал к новому дню рождения...

Так совпало, что окончание рассказа пришлось на «кризис 37 лет» – возможно, я напишу об этом отдельную статью. Дописывать «Париж навсегда» пришлось в состоянии «сдвига тектонических плит» сознания, когда я переосмысливал значение целеполагания, труда и творчества в жизни, а заодно – и самого себя в мире. Было как-то не до героев растянувшегося, как плавленый сыр, рассказа, и я даже не горевал по этому поводу. Значит, так и надо. Значит, таким и должно быть искусство, когда автор – всего лишь отстранённый ретранслятор истории, которая, возможно, в тысяче разных вариаций появлялась в тысяче разных голов от начала до конца мира.

*Михаил Кожаев Второй
Март 2023 года
Косогория*